

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

18+

Сборник Сообщники

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963136

Сообщники. Сборник рассказов: Самокат; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00167-476-4

Аннотация

Современное общество устроено так, что даже один в поле – воин, но люди все равно стараются держаться вместе. В «Сообщниках» мы собрали смелые рассказы о берлинских сквоттерах и московских стендаперах, о жителях хутора на юге России и подопечных кыргызского шелтера для девушек, о подростках, подругах и молодых мамах. Все они пытаются найти возможность говорить и быть услышанными, влиять на что-то, менять мир вокруг или, наоборот, спрятаться, обособиться.

Сборник рассказов «Сообщники» – совместный проект издательства «Самокат» и школы прозы «Глагол».

Содержание

Анна Пестерева	5
Чат	5
Евгения Некрасова	18
Мелузина и ее друзья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сообщники. Сборник рассказов

© Д. Осокин, Е. Некрасова, А. Бруй, Т. Климова, Н. Ершова, А. Пестерева, К. Гептинг, Т. Юн, А. Соболева, С. Лукьянова, Н. Подлыжняк, Д. Сорокотягин, С. Лебеденко, Д. Ховалыг, текст, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Анна Пестерева

Чат

Обновления сразу в нескольких телеграм-каналах. Переворачиваю телефон экраном вниз – недавно выработала такую привычку, чтобы не отвлекаться. Я плачу и не стесняюсь, все равно никто не увидит. Может, это новости на меня так влияют, может, лук, который я режу затупившимся ножом. Луковица молодая, злая. Даже очки – я их специально нацепила, чтобы не слезились глаза, – не помогают. Дома есть только солнцезащитные, я стою в них на кухне, как дура, и плачу. А на улице зима, минус шесть, идет снег и бьют людей.

Морковь тру на крупной терке, жарю вместе с луком до золотистого цвета. Телефон нервно подрагивает от входящих оповещений. Из фарша леплю фрикадельки и бросаю в кипящую подсоленную воду. Туда же летит картофель, порезанный кубиками, – вместе им не так скучно вариться. В кастрюле бурлит вода, фрикадельки выпрыгивают, сталкиваются боками, суеются. Чисто мы, люди. А потом их затягивает обратно под воду. Добавляю овощную зажарку, прикрываю крышкой и уменьшаю огонь – остается ждать.

Сегодня ехать через всю Москву – нервничаю. Хотя, если

я не буду ничего такого делать, всё же закончится хорошо? Чего такого? Главное – не забыть квитанции. На сапоги – вот лежит в кошельке, а на пальто – не вижу. Ну, начинааается. Где чек из химчистки? Перерыть сумку, достать вещи по одной, проверить все отделения, подкладку. Посмотреть на столе, под столом, за столом, на тумбе у двери, в вазе для ключей, заглянуть под раковину и потрясти мусорное ведро. Помыть руки. Залезть в шкаф и найти смятую бумажку в кармане пуховика. Ладно, все хорошо. Квитки я кладу в кошелек и, пока собираюсь, два раза перепроверяю их – просто на всякий случай. На телефон без остановки приходят оповещения: новости, новости, эсэмэска от банка, новости, предупреждение от МЧС.

«Театральную» и «Тверскую» проезжаем без остановок – поезд сбавляет скорость, но не тормозит. Пустота на перронах. Желтый электрический свет. Смотреть на безлюдные станции неловко, как на голого человека. Пропадает сигнал вайфая, телеграм обновляется с задержкой. Вижу сообщение: «В России на акциях протеста задержаны три тысячи триста двадцать четыре человека».

– Видела кофточку прямо на тебя. Привет! Говорю, видела кофточку. Тут в секунде за углом, знаешь? Они вывеску убрали, но я тебе покажу. Тебе так пойдет! Она такого интересного зеленого цвета. Благородного, понимаешь?

Это меня встречают в доме быта. Тут ни митингующих, ни полиции, а знакомые сотрудница химчистки и мастер

по ремонту обуви. Мы говорим о чистящем средстве, которое удаляет все пятна (надо домой порошок купить), и почему-то – о том, как правильно поливать кактусы. Я хочу еще что-то важное спросить, но не решаюсь.

Ныряю в метро. Эскалатор равнодушно тащит вниз толпу и меня тоже, а я смотрю прямую трансляцию на ютубе. Людей берут в окружение, прижимают к стенам домов. Замах, удар. Повторить. Какая-то девушка бежит и получает дубинкой по ноге. Рефлекторно трогаю колено и чуть ниже, куда пришелся удар. Я впечатлительная, как говорит муж, слишком близко все принимаю к сердцу. Он считает, надо смотреть на вещи шире. Это как?

По левой стороне бегут студенты и обсуждают какого-то отвратительного Олега, который не может запомнить номер квартиры. Соседний эскалатор толкает грузную женщину вверх, а она кричит в телефон: «Открой дверь, открой!» Я открываю очередное видео: парня бьют электрошокером, женщину – ногой в живот, людей кладут лицом на снег. У меня есть право смотреть. Или не смотреть. Право хранить молчание. Правохранительный (с одной «о») орган – это мой рот, твой рот, наши рты. Мы можем ими молчать, это не запрещено. На обратном пути делаю пересадку на кольцевую – так чуть дольше, зато не придется ехать мимо пустых станций.

Леся отвечает, когда я уже подъезжаю к дому. Еще каких-то десять минут, и я открою дверь в квартиру, где пахнет супом с фрикадельками. Но короткое слово «да» заставляет меня выйти на следующей станции и сесть в поезд в сторону центра. Я не хочу этого делать! Я бы вообще сегодня сидела целый день дома. И ее не пустила б, если бы она меня слушалась.

«ты поперлась на митинг?»

Спустя четыре часа она подтверждает то, что я и так знаю: «да».

От нее приходит геолокация: район Цветного бульвара. Прошу дождаться меня у станции и ни во что не ввязываться. Леся прочитывает сообщение и не пишет ни слова – как была в детстве вредная, так и осталась. Когда я приходила за ней в садик, всегда капризничала, когда забирала из начальной школы – отказывалась уходить с продленки. Разница в одиннадцать лет сделала из меня не старшую сестру, а вторую маму. Зато благодаря Лесе я поняла, что хочу своих детей. И главное – что я с этим справлюсь и буду хорошей матерью. Мне кажется, я правда хорошая мать.

Наверху тревожно. Люди ходят группками, стоят группками. Те, что в шлемах, тоже передвигаются группками. Я тут одна, мозолю глаза и тем, и другим. Леся подходит ко мне,

и мы тоже становимся группкой. За то время, что мы не виделись, она немного набрала вес и сделала короткую стрижку. Ей идут и пухлые щеки, и мальчишеская прическа.

Леся никогда не говорила, с кем и куда идет гулять, приходила домой поздно, оставляла сигареты в кармане куртки, не стесняясь никого в доме. Она была ребенком улицы, несмотря на двух матерей в семье. «А возможно, именно из-за этого», – говорил с ухмылкой отец. И вот мы стоим, обсуждаем что-то неважное – что скользко и ветрено, – пока вокруг нас задерживают людей. Полицейские кладут друг другу руки на плечи и идут змейкой через толпу. Они подходят сзади к какому-то парню лет двадцати и задирают ему руки вверх, высоко над головой. Парень складывается пополам, так его и ведут в автозак. Леся спрашивает меня, кивая в сторону задержанного: «Ну как?» Я пожимаю плечами: что – как? Надеюсь, нам не будут заламывать руки, у меня столько пакетов с собой, из них все вывалится на асфальт.

Леся утыкается в телефон, быстро печатает, стирает что-то, пишет заново. У нее маникюр неоново-салатового цвета. Она обожает все необычное. Хочется защитить ее от глупостей, которые она способна натворить. Почему она не отвечает на сообщения? Кто может быть человеку ближе семьи? Леся злится, говорит, что люди становятся кем-то друг другу не из-за родства. Она отрывается от телефона и тычет мне им в лицо. Открытый чат в телеграме, называется «Передачи» или как-то так.

– Они добровольно помогают задержанным, поняла? Чужие, как ты говоришь, люди. Мне дважды передавали в отделение воду и еду.

Как? Тебя задерживали?! Несколько раз?! Ты понимаешь, какой это позор? Почему ты не сказала мне ничего?

– А что бы это изменило?

Я хочу ей все объяснить. Сказать, что надо быть благоумной. Что я желаю ей добра. Неужели так сложно быть нормальной? Неужели нельзя вести себя правильно? Все то, что я уже сто раз ей говорила.

Она не слышит моих слов. Я сама их, если честно, не слышу. Рядом с нами полицейский кричит в громкоговоритель: «Уважаемые граждане, вы мешаете проходу других граждан, просьба разойтись». Он вдруг поворачивается и смотрит в глаза, будто обращается лично ко мне. Вся площадь наблюдает, что случится дальше. Мне страшно. Пакеты падают на тротуар – я цепляюсь за Лесину руку. Тащу ее за собой в метро, она упирается. Я не нахожу нужных слов, чтобы ее убедить, но знаю, что ей на самом деле сейчас нужно, что для нас всех будет лучше. Она вырывается, отбегает. Поворачивается и что-то кричит мне. Я слышу только громкоговоритель:

– Данное мероприятие является незаконным. Мы делаем все, чтобы обеспечить...

Лесья примыкает к небольшой компании людей, и я теряю ее из виду. Прижимаю к груди пакеты с сапогами и пальто.

Мимо ведут задержанных, толпа кричит: «Позор!» Ее тоже так уводили? Почему она не сказала об этом? Полицейские отгоняют людей с фото- и видеокамерами от автозаков: «Не мешайте работать». Я собираюсь нырнуть под землю, но понимаю, что одного пакета не хватает. Вот он, лежит в метре от меня. По грязному асфальту распластался рукав блузки благородного зеленого цвета. Какая-то женщина хочет поднять вещь – ее задерживают, когда она нагибается. За что? По пакету проходятся сапогами.

Я вижу еще одну змейку, которая пробирается в толпе. Идут ко мне. Я быстро хватаю блузку и бегу вниз по лестнице. Турникет не пускает: закончились деньги. Бросаю триста рублей на «Тройку». Бегу по эскалатору. Бегу по перрону в самый конец. Бегу, чтобы не думать. Центр перекрыт, оцепления, сцепки, в городе каски и бронежилеты. Мой мозг как машина в пробке: газ-тормоз-газ-тормоз-газ.

Ищу объезды, аресты, улицы перекрыты, подъезды к центру пережаты, зарыты в землю на метры вглубь, станции метро закрыты.

Погоны наверху, внизу вагоны пролетают без остановок.

Сигарету не закурить. Бить. Это снаружи.

Тут – взглядом в окно упереться, качаться.

Я же бросила в одиннадцатом классе. Голова в каске.

Моя? Их. Чья?

Слова рвутся при произношении на части.

Между строк страх. Все ли в порядке со мной?

Привычка начальников подчинять пространство приводит к погоне. Бег за толпой – азартный спорт, подходящий для разнашивания служебных сапог.

Испуг в глазах как туман или смог пожара.

В слезах лицо. Не мое. Ее, его, чье?

Будто смола сбежала каплями по щекам.

Страдание – сигнал бедствия. Уходящий на дно отбивает послание: sos! Нет времени на ожидание помощи. Никто не придет, все тонут вместе с тобой. Sos!

Страдание. Soстрадание.

Бессмысленный марафон жестокости.

Меня трясет: это не нервы, а подземный перегон.

Стойкости не хватает этой конструкции.

«Не прислоняться» – такая инструкция прилагается к каждой двери в метро. Но можно хвататься руками за поручень, в виде дубинки занесенный над головой.

Обречена ехать по Кольцевой линии против часовой стрелки, похоже, одну за другой остановку без права на пересадку.

Боже! А тебя нет. Интернет пропадает, на ладони крест — купить порошок. Шок. Яблок килограмм.

Отгадай загадку: куда несется Русь-тройка?

Слойка с творогом, один помидор, пачка крупы.

Нашла в новости опечатку. Информационная диета нездорового человека двадцать первого века —

новостная лента.

Русь не дает ответа.

* * *

Леся не отвечает, ее не было в сети полтора часа. Украдкой читаю новости и смотрю видео из интернета. Руслан привез детей из школы, все поели и разбрелись по квартире. Кажется, они смотрят телевизор, а я на кухне: убираю, мою, прячу остатки ужина в холодильник. Мамские дела, как говорит младший сын.

Приходит сообщение от нее! Написала, что дежурит у ОВД в Крылатском. Пока я думаю над ответом, для которого с трудом подбираю слова, Леся успевает мне возразить: «не в оvd, а у оvd. С передачками. Меня не задержали».

«Внутри человеку плохо(»

Я набираю ее номер, она сбрасывает.

«мало зарядки. Выключаю телефон»

Леся пропадает из Сети. Нахожу московский чат помощи задержанным, в нем состоит пять тысяч одиннадцать человек. В памяти всплывают пустые станции метро. Интересно, сколько может вместить «Театральная»?

«Есть вода, печенье, пледы. Доширак, термос с чаем».

«Могу встретить несколько человек у ОВД Аэропорт на машине».

«Сколько человек в хамовниках сейчас? Кто знает»

«МОГУ ОБЗВОНИТЬ ОВД»

«не можем найти человека. Не выходит на связь с 17 часов»

«Правозащитникам писали?»

«да. что делать?»

Админы то и дело просят людей переходить в чаты округов – там раздают конкретные задачи. Натыкаюсь в переписке на знакомую аватарку. Леся оставила сообщение двадцать минут назад: «СРОЧНО! отказываются вызывать скорую мужчине, сломана рука. Все, кто может, позвоните в отделение, спросите, почему не пускают врачей. Чем больше позвонивших, тем больше шансов добиться медицинской помощи!!!!» Четыре восклицательных знака.

Пока мою посуду, мне на глаза то и дело попадают собственные руки. Родинка на запястье, браслет. Раскладываю приборы на полотенце, вижу сморщенные от воды подушечки пальцев. Ставлю мокрые тарелки сушиться, замечаю синюю пульсирующую вену на сгибе локтя. Наливаю на губку моющее средство, обращаю внимание на заусенец.

Нахожу сообщение про этого чертова мужика, будь он неладен со своей рукой. Перечитываю заново. «Все, кто может, позвоните в отделение, спросите, почему не пускают врачей». Вбиваю номер телефона и долго смотрю на цифры, будто хочу их запомнить.

Нажать на кнопку вызова или нет? Надо мыслить шире, не принимать всё близко к сердцу. Поливать кактусы не чаще

одного раза в две недели. Купить себе кофточку благородного зеленого цвета и сидеть в ней в кафе. Не мешать проходу других граждан по улицам Москвы. Ни о чем не судить, пока не увидишь всей картины.

– Саня, ты что не идешь телик смотреть? – Руслан заглядывает на кухню.

Показывают мой любимый фильм «Москва слезам не верит». Самое начало, только минут пять прошло. Как раз сделать бутерброды, выключить свет в зале и расслабиться на диване с семьей. Разве я не заслужила? Нет, спасибо, я тут еще поторчу. Руслан гремит чашками, берет карамельки из шкафа – медленно и громко, как будто назло. Делает жест рукой: «Тебе надо раковых шеек?» Я мотаю головой. Наконец-то уходит.

Прикрываю дверь на кухню. В трубке ту-у-у-у-ту-у-у-у – гудки, но я терпеливо жду. Первый раз никто не берет. Я набираю снова и снова с тем же результатом. Внутренне даже рада, что ни во что не ввязалась. Делаю последнюю попытку дозвониться, и всё: моя совесть чиста. Рисую в блокноте ромашку. Едва заметная точка в центре, от нее тянется длинная капля – слеза. Потом появляются еще и еще одна. Всегда пересчитываю в конце, сколько лепестков получилось: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

– Дежурный.

Я не готова.

– Дежурный.

Если молчать, он сам положит трубку. Семь, восемь, девять. Девять слезинок получилось.

– Драсьте. – Это, должно быть, мой голос.

– Дежурный.

– Я хочу спросить. Я знаю, что у вас задержанные. Вам привезли задержанных. Да?

– Ну?

– Говорят, у одного из них. У человека. У него сломанная рука. Да? Это так?

– Что значит «говорят»?

– Это... не важно. Просто информация. Вы это... скажите. Ему же помогают? Да?

– Нет у нас никакого человека.

– Есть у вас человек.

– Всем, кому необходимо, оказывается помощь.

– Так все-таки...

Гудки. Набираю снова, на этот раз отвечают быстро. Тот же голос произносит знакомую фразу: «Дежурный».

– Я только что звонила, вы меня сбросили. Человеку оказывают помощь?

– Так, вы вообще кто? Представьтесь!

Произношу свои имя, отчество и фамилию. Девичью фамилию, свою бы Руслан не разрешил так использовать. Это дается мне неожиданно легко – думала, будет стыдно или неприятно называть себя в этих обстоятельствах.

– Так что с человеком? Вы говорите, никого нет, потом

говорите, что помогаете. У него рука сломана, нужен врач.

– Всем, кому необходимо, оказывается помощь.

Гудки. В чате сообщение, что в Крылатское въехала скорая. Двадцать минут назад написали, а я по рассеянности пропустила. Получается, напрасно звонила со своими расспросами, они никому не помогли.

А может, этот мучительный разговор с дежурным был не зря?

Внизу чата синим цветом выделена кнопка «Присоединиться».

Нажимаю на нее, количество участников меняется.

Пять тысяч двенадцать человек в чате.

«Я готова обзвонить ОВД»

Отправляю сообщение.

Евгения Некрасова

Мелузина и ее друзья

Дети взяли и объединились. Света сказала, что если они сами не объединятся, то придут взрослые и соберут в кучу их недоразвившиеся тела для того, чтобы заработать себе денег. Света не любила взрослых за то, что они нелогично и нефункционально устраивали всё. Город сидел на газу. Взрослые ковыряли дыру в земле, качали газ, его облачка поднимались, травили дыхание, но доходы от него испарялись. А город выглядел так, будто в нем случилась война или конец света. Теперь люди как-то пытались доживать. Асфальт икал возвышениями и провалами. Люди матерились. Поликлиника ползла наличниками и доживателями. Мусор атаковал во дворах и на рынках. Ромбы забора успокаивали своей вечностью. Света сказала: будем снимать кино. Но не вот это всё. А лучшее, что пока у нас есть, и единственное – наши тела.

Саша согласился сразу, он был без комплексов, его вырастила одна бабушка, он мечтал об обладании вещами, ношении вещей, держании вещей в руках, пользовании ими. Он носил всегда перешитки бабушкиных знакомых, чистые, опрятные, но чужие. Бабка не дает бабок, шутил он пло-

хо. На самом деле бабушка купила бы ему что угодно, если б могла. У них была искренняя и сильная любовь. Денег не было совсем. Света видела, что в этом нет логики. Сашина бабушка работала на заводе инженеркой, завод функционировал, производил что-то, связанное с тем же газом. Саша любил бабушку мощно, хотя она старалась с ним строго, просила не стать наркоманом или алкоголиком. Он не дурак, не собирался. Бабушка выкраивала деньги там-сям, откладывала. Саша пытался подрабатывать грузчиком, уборщиком, упаковщиком. Однажды летом он поработал месяц в кафе и сумел купить себе бэушный смартфон и слуховой аппарат бабушке, новый, но такой, простой. Это был самый счастливый момент его жизни. Саша мечтал о еде тоже. Каждое утро покупать кофе в кофейне и круассан. Он хотел жрать дорого и красиво, а не кабачки. А бабушке купить аппарат помощнее и плазму. И много чего. Он сразу сказал Свете: а чо, давай.

Соня говорила Саше, что ему везет, что у него нет родителей, а одна бабка. Еще и адекватная. Ее родители не пили и не утопали в нищете, а располагались посреди комфортной бедности. Мама работала врачом, папа водил автобус. Важные профессии, думала Света, ответственные, думала Света. Но оба зарабатывали недостаточно для содержания троих детей. Это ведь нелогично, удивлялась Света. Родители Сони вели себя чрезвычайно жестоко со всеми своими тремя детьми, которых нарожали через запятую примерно в два

года. Соня появилась в середине. В этой семье наказывали за любое действие, взгляд, движение, слово. Не обязательно было делать что-то плохое, получать двойки, курить, не мыть посуду. Дети были всегда виноваты тем, что живут в одной квартире с этими взрослыми людьми, вынужденными этих детей кормить, одевать, обслуживать. Любое желание, мечта, интерес, стремление унижалось, высмеивалось, наказывалось.

Света не понимала. Это было нелогично. Зачем надо было истязать своих детей морально и физически так, что к совершеннолетию они уже совсем для жизни негодились? Бессмысленное вложение сил, времени и денег. Где смысл? Каждый ребенок в Сониной семье работал с такой ситуацией по-своему. Старший делал всё никак, никоим образом не выражал себя, ни в школе, ни дома, ни во дворе, потому что понимал, что стараться нет смысла. Но он копил силы на побег. Это чувствовали все, в том числе родители, поэтому с ним они обращались особенно жестко. Младшая сестра очень старалась дома, византийничала, чтобы ей доставалось больше хорошего внимания, а плохое она спихивала на старших сиблингов. Иногда срабатывало, но до школы она добиралась уже бескровной, бледной, молчаливой и уставшей. Соня старалась стараться дома в раннем детстве, но потом поняла, что это бесполезно, и старалась только в школе, но не справлялась с учебной психологически. Икала у доски от волнения, не могла дочитывать длинные слова и предло-

жения, не запоминала наизусть ничего, всё делала медленно и мято одновременно. Родители наказывали детей за плохую учебу, говорили, как те их позорят и как им тяжело быть отцом и матерью такого бесполезного людя. Света подумала как-то, что Сонины родители получают удовольствие от процесса наказывания и поэтому пихают детей в то положение, в котором могут их наказывать еще сильнее.

Эти родители запрещали детям работать и подрабатывать как-либо, говорили: после 18 делайте что хотите, а пока если хочется трудиться, то всегда есть над чем дома или на даче, а не на чужих людей. Соня сама уже говорила Свете, что это для того, чтобы не терять над ней и сиблингами власть. У Сони была одна мечта – уехать навсегда от родителей и из города. И она сразу сказала «да», наметив себе сумму на билет и три месяца аренды в городе-гиганте.

У Алисы была хорошая растящая ее материнская семья: мама и бабушка. Обе работали в одной и той же «Пятерочке». Бабушка расставляла товары, мама пропикивала их на кассе. Кажется, у них обеих были знания. Бабушка получила в городе-гиганте высшее образование. Но работы в городе не находилось. Женщины зарабатывали недостаточно, кормили-растили Алису с трудом. Жили хаотичным женским советом. Выживали. Даже не готовили никогда специально, просто питались пятерочной уцененкой, что находили в холодильнике по очереди. Радовались своей хрущевой двушке. Бабушка отказывала себе во всем для мамы и для

внучки, мама отказывала себе во всем для дочки. Тихо, без заявлений, расшифровок своих мук. Но Алиса понимала всё и мучилась от жертв своих женских родственников. Нелогично, нелогично, думала Света. Алиса любила свою материнскую семью, училась средне, мама и бабушка мечтали о высшем образовании для нее, с такими оценками оно получалось только платным. Алиса была худая, нервная, мечтающая о возмездии за бедность своим будущим успехом на другой, пластичной, многообразной территории. Ей хотелось, чтобы мать и бабушка перестали совершать жертвоприношения мужьями, любовниками, шмотками, отпусками, ногтями, дороговатым кофе, жизнью. Алису не взяли в женский совет впервые и заявили ей потом, что продадут квартиру, чтобы выучить ее в вузе. И ничего-ничего, будут снимать. Алису вырвало в туалете. Она согласилась на Светино объединение не сразу, но вот после этого.

Рома не хотел в армию. Его батя служил, потом был омовцем, потом дальнобойщиком. Старший брат служил, вернулся веселый, а потом снова ушел по контракту. Отдавание своего мужского тела за деньги государству было естественным и родным в Роминой семье. Любимые праздники – это проводы и встречи родных мужчин в форме. Мама строгала овощи и консервы в тазы, заправляла их майонезом. Дядя приносил произведенный им самим алкоголь. Рома из всего их детского объединения был самый кинематографичный. Не качок кино 90-х, а нынешний типаж, умнее

и женственнее, действующий на пересечении культовых сериалов, инди-фильмов и больших экранных экшенов. Высокий, светловолосый, голубоглазый, мускулатурный, губастый, сильный, тонкоскулый. Богатырь растёт, но смазливый, говорил всегда дядя. Батя в полушутку предлагал сломать Роме нос, чтобы избавиться от бабской тонкоты.

Рома значился сексуальным символом старших классов. Ему полагалось перебирать десятиклассниц и одиннадцатиклассниц, может быть, даже девятиклассниц и восьмиклассниц. Бить им сердца, ломать психику. Он немного попробовал, ему надоело. У Ромы был секрет. Он молча ненавидел форму, оружие, насилие, жизнь своей семьи, возможно, свою семью тоже. Сам с трудом мог объяснить почему. Всё это скапливалось из тумачков отца, его золотого зуба справа, веселых рассказов брата про Сирию, женских волос в кресле отцовской фуры (отец сам шутил: гинекологическом), материнной седины и нервной полноты, права мужчин их семьи на бескрайний мат, да вообще на всё в обмен на продажу своего тела и воли государству. Света находила это логичным, но бестолковым. Отец, мать, брат, дядя были воодушевлены почему-то Роминой секс-символьностью. Гордились тем, что его любят девочки. Его знали и узнавали все в школе, на улицах, в магазинах. Город жрал и ждал новости о его личной жизни.

Роме хотелось всего другого. Он решил поначалу не встречаться ни с кем вовсе. Его истерзали вопросами даже

учителя. Что за болезнь. Тогда он встретил Веру. У нее было множество плюсов. Главный – она к нему почти равнодушна, не охотилась за ним. А когда он к ней придвинулся, она пожала плечами, что, мол, не против. Вера училась в другой школе, получше и побогаче, ее родители не ругались матом, не изменяли друг другу, работали хорошими врачами, мама занималась танцами, папа коллекционировал старые книги. Вера не выглядела навязанно красиво, но Рома поначалу выработал приступы астмы от ее больших рыжих глаз. Батя хмурился: зачем тебе евреи. Рома объяснил свою сильную страсть, но вообще-то он знал, что Вера – та лопаточка, что выскребет его из этого темно-зеленого мира. Она уже через олимпиадные победы поступила в столичный университет и собиралась переезжать. Он тихо собирался с ней, планировал устроиться на работу, снимать им жилье, трудиться на то, чтобы она свободно училась, а он иначе жил. Необходимо было откупиться от армии, и так, чтобы отец, дядя, брат узнали не сразу, – это стоило дороже. Рома согласился со Светиным предложением.

Настя вошла в дело случайно. Ее семья была середняками по стране и околобогатыми по городу. Местная сеть салонов цветов под средним именем Настиной мамы. У каждого в семье был ноутбук. Для бухгалтерских таблиц, раскладывания «Косынки», хранения фоток, школьных презентаций. Настя, единственная дочь, училась без троек, планировала идти в средний вуз или в очень хороший, но платно. Деньги

у ее семьи копились. По Светиному мнению, у них все было почти правильно. Один ребенок, один бизнес ветками, будущее Насти в другом городе без газового облака. Был баг в самой Насте, она ходила неприкаянная, хоть и благополучная. Это было нелогично.

Последние полгода Настю трясло от Ромы. Такая островатая болезнь, гораздо серьезнее, чем представляли себе люди рядом. Настя просыпалась с Ромой в голове. Засыпала, ходила, делала все с ним-призмой. Все догадывались, многие знали. Она не могла себя сдержать и заговаривала про Рому с подругами, родителями и даже учителями. Настя не стала хуже учиться из-за своей мании, просто Рома сидел в каждом слове сочинения, в каждом знаке тригонометрического уравнения, на каждом миллиметре контурной карты и в любой исторической цифре. Отслеживала его аккаунт «ВКонтакте». Он почти ничего не постил, но остальные размещали с ним фотки часто. С ним считалось круто фоткаться, как с селебрити. Он и был селебом их задыхающегося в газу города. Рома не замечал Настю, она для него составляла вязкую однородную жижу поклонниц. Когда она его встречала в коридорах или на улицах, то ее сердце сжималось в тряпку, напивалось бензином крови и загоралось.

Света нуждалась в Настиной неоконченной даче. Она была всем хороша. Находилась в черте города, в семи минутах ходьбы от дома Светы, с электричеством, канализацией, с двумя готовыми отдельными комнатами. Главное, ро-

дители туда заходили два раза в год: на майские и на день рождения Настиного папы. Света врала поначалу про занятия по английскому, но у Насти включился Рома-дар, она ощутила его вовлеченность, а дальше умолила Свету взять ее к себе в группу. Света сказала «ок», а потом уже, когда Настя повела арендаторку осматривать помещение, рассказала ей про кино. Настя почувствовала, как за лопатками и между ног одновременно растут крылья. Она сразу попросила свое. Света подумала и пообещала, что устроит так, чтобы Настя снималась с Ромой вместе.

Про Свету так. Она училась на отлично. Спокойно шла тяжелым своим шагом к золотой медали. Знала, что сможет взять любой вуз, который ей надо. И в любом городе. Даже том самом, самом большом и жадном. Учителя молчали. Золотая медаль зря, думали они. Света читала их. Понимала, как это все нелогично. Она никуда не поедет. И Света с матерью молчали, не обсуждали. У матери когда-то была профессия. Она как-то еще держалась, когда родился Артем. После него через четыре года родилась Света. И вот тогда отец ушел. Профессия матери обвалилась. Света думала об этом каждый день своей жизни. Это было нелогично. Почему отец ушел именно после ее появления, а не после рождения Артема? Света нашла отца в соцсетях, она думала написать ему, спросить, но боялась.

Мать находилась всегда рядом с Артемом. На несколько часов уходила считать цифры за старенький компьютер, и ее

заменяла Света. Она сразу родилась старшей сестрой, хоть была младшей по факту. К подъезду все никак не прикрепляли пандус, и его не получалось добиться. Это нелогично, неправильно. Некоторые соседи думали, что Артем заразен. Света довольно рано поняла, что взрослые чаще всего дураки, или злые, или несчастные, или всё вместе. Мать слала письма. Государство отвечало отписками. Артем вырос, его с коляской стало тяжело носить. Балкон к их квартире не прикреплялся. Победа не приходила. Но случилось, как мать его называла, счастье. Удалось поменять двушку в хрущевке на дом с огородом в городской черте. Огород мать превратила в сад, ей даже хватило сил. Артему сад очень нравился. Цифр для счета к тому времени не осталось, мать, когда Света возвращалась из школы, шла мыть полы в торговый центр. По ночам она писала власти письма, просила теперь, чтобы та провела в дом канализацию.

Света планировала заработать денег и компенсировать всю заботу государства. Нанять матери помощь по уходу за Артемом, себе – замену. Уехать учиться и работать в другой мир. Света жалела, что она отличница и медалистка. Училась бы плохо, логично было бы остаться. А она оставалась нелогично.

А Мелузина просто три года как ходила со Светой. Была единственной ее подругой. Хотя вслух это не произносилось. Свету иногда дразнили кем-то вроде бочки со змеями, но нечасто и несильно. Матери такая дружба сильно не

нравилась, но она молчала. Считалось, что с магическими общаться опасно и странно. Пару раз Света просила Мелузину посидеть с Артемом – мать работала, Свету отправили на олимпиаду. Артему Мелузина очень нравилась, особенно ее лапы-змеи и хвост-змея. Он даже примерял ее корону. Мелузина хорошо с ним управлялась. Но Артем как-то слишком сильно стукнул левую переднюю мелузинскую змею во время игры, и от боли змея отреагировала быстрее Мелузины, впилась Артему в руку. Рана была несерьезная, яд у Мелузины давно выкачали люди. Но Артем сильно испугался, несколько часов потом кричал и плакал. Мать сказала Свете, чтобы ни одной змеи этой твари в их доме не было. Света прежде не обозначала маловыносимость своего существования, идеальную при этом учебу и поведение, а тут впервые все высказала и потребовала Мелузину взамен всего, только ее. Мать сдалась, но домой Света Мелузину больше не приводила.

Мелузина ходила со Светой, потому что та в ней нуждалась, а самой Мелузине без Светы жилось совсем скучно и одиноко. К тому же видела она, что Света была блестящим человеком и заслуживала какой-то помощи. Мелузина чувствовала, что этот Светин проект дурной, но переубедить ее не могла. Света год назад уже занималась бизнесом: делала домашки за умеренно богатых детей их школы. Пару раз ей не платили, один раз Мелузина даже вмешалась со своими змеями, просто припугнула неплательщика. Мальчик пожа-

ловался родителям, они в милицию, еле замяли. Света рассказала правду, почему подруга пошла за нее просить долг, и родители забрали заявление. Им стало стыдно, что их сын не делает уроки сам. Остальные заказчики дальше исправно платили. Но Света бросила бизнес потому, что он был нелогичным, нечестным.

В новом деле Мелузина захотела участвовать сама, она раньше выступала в цирках, снималась в сказках, когда страна открылась, ее и вовсе возили по шару. Даже маячил какой-то фильм в Америке, но потом всё сдулось, пропало, выдохлось. Уже лет двадцать она не работала, жила на крохотную магическую пенсию. Света взяла подругу в свое кино.

Света всех собрала на Настиной даче. Настя всех стеснялась, от близости Ромы улыбалась глупо и лихорадила пространство, Соне сразу всё не понравилось и она таким образом на всех и глядела, Саше все были интересны, и он улыбался и лазил взглядом по телам, Алиса просто всех боялась, Рома хотел казаться равнодушным, но все ощущали, что он волнуется. Мелузина сидела сфинксом, ее змеи дремали. Света объяснила правила: главное, молчок – раз; все они, кроме Мелузиной, несовершеннолетние, значит, такое дело незаконно. Все работают вместе и помогают друг другу – два. Если кто-то испытывает физический или эмоциональный дискомфорт, то говорит об этом, не терпит – три. Взрослым и остальным рассказывать, и только если они спросят, что тут Света учит английскому. Она показала всем учебник.

Настя хотела всем сказать, что у нее такой есть, но не стала. Света просила в мессенджерах называть их дело «занятия английским». Дальше она объяснила про кино. Оно предстояло двух типов: обычное – записывалось на камеру (камеру тоже использовали Настину, она пылилась у нее дома, и никто даже не заметил, когда она ее забрала) и загружалось на сайт. Второе кино не записывалось, а шло в прямом эфире. Люди подключались и платили за то, чтобы кино продолжалось, иногда просили играющую или играющего уйти с ними в отдельный виртуальный кабинет. Играть надо было поодиночке или дуэтом. Можно и больше тел, но это сложно. На первый вариант должны согласиться те, кто не сильно переживает за то, что их когда-то узнают; второй – более анонимный: все ролики, прочла Света, продавались заграничным сервисам.

Соня спросила, на какой счет они будут получать деньги. Алиса спросила, что если их накроют. Света порадовалась логичным вопросам. Местная полиция как бы спала, даже не гналась за закрытием статистики, словно именно к их городу у государства снизились требования. При Свете сосед убивал соседку, менты не приезжали. Ограбили набитый техникой дом, ок – они приехали, пописали и уехали. Света не думала, что накроют, а если такое случится, то они несовершеннолетние. Не поздно отказаться, сказала, и что, надеется, они заработают достаточно за несколько месяцев. Все отказались отказываться. Мелузина добавила, что посадят

только ее и точно ее как единственную совершеннолетнюю и магическую.

Со счетами Света объявила: разобралась. Не рассказала, как долго мучилась и на что пошла. На таких вот сайтах могли регистрироваться только совершеннолетние люди. Мелузина помогла, пошла куда-то в волшебный лес и купила там поддельный, дорогуший, в базах состоящий женский человеческий паспорт. Сняла корону, надела на свои черные короткие волосы длинноволосый желтый парик и сфоткалась на него. Получилось хорошо – до начала шеи она была обычной красивой теткой. Магические не считались гражданами, жили пораженные в правах, не могли покупать недвижимость, землю, передвигаться на транспорте дальнего следования, но они умели обманывать систему. У магических через одного был человеческий паспорт. Этого развелось так много, что взятки превратили в большие штрафы.

Света зарегистрировала на сайте троих взрослых. Мелузину с ее магическим паспортом, который могли не принять, но приняли. Надо же, говорила она. Мелузину с ее поддельным человеческим женским паспортом. Она снова селфанулась по конец шеи в белом парике вместе с раскрытым паспортом. На него Света с Мелузиной открыли онлайн человеческий счет в банке и счет виртуальных денег. Света опробовала: вошла под человеческим аккаунтом Мелузиной, даже без белого парика, разделась медленно и спокойно до белья. Ей писали: люблю толстушек, как ты, покажи дойки. Моде-

раторы не нашли различий между ней и Мелузиной в парике. Света зарегистрировала одного совершеннолетнего мужчину. До этого она долго говорила с Мелузиной. Потом, размазывая соль по щекам, Света причесала Артема, сунула ему в руку его паспорт, попросила его ждать птичку и сфотографировала. Привязала к его банковскому аккаунту счет виртуальных денег. На другом сайте, где принимали за плату короткое кино, Света залогинилась на мелузинский человеческий паспорт.

Вебмани, сказала Света, будут поступать на специальные счета. Я буду переводить их на банковский счет, снимать и отдавать бумажками, забирать себе 30 процентов. Дети помолчали. Мелузина вступила, что не поздно отказаться. Снова никто не захотел.

Дальше Света ушла в соседнюю комнату и вызывала каждого и каждую на собеседование индивидуально. Рома сказал, что против всякого гейства и вебкам не хочет. Будет сниматься в кино с девушками, в этом есть опыт. И что он не зоофил. Имея в виду Мелузину. Та слышала сквозь стены и прошипела, что она не зверь, а магическое существо. И вообще, она будет вебкамить соло. Соня сказала, что ей все равно. Лишь бы деньги. Про опыт ничего не сообщила. Алиса боялась вебкама, который казался виднее, и того, что мама и бабушка узнают и у всей семьи будет бабушкин insult. Есть опыт секса. Она добавила, что была два года в отношениях с парнем, недавно расстались. Света кивнула. Саша по-

хвалился разным опытом, был не против экспериментировать, но не с магической, очень хотел и вебкам, и кино, и с девушками, и с Ромой. Настя сразу сказала, что она же сразу сказала, что будет только с Ромой сниматься в кино. Опыта у нее не было. Мелузина объявила, что вебкам – это точно ее. И опыт у нее разный. И игрушки у нее есть (заказывала на пенсию). И по-английски она говорит. Из людей язык знала только Настя, но без вебкама он был неважен.

Света в тетради нарисовала аккуратное расписание. Вебкам она назвала «теория», съемки – «практика». Внесла имена. В вебкаме остались только Соня, Саша и Мелузина. Соня и Саша кино хотели тоже. Алиса, Рома и Настя записались на кино. Света решила, что они начнут с вебкама. Решили использовать старый Настин ноут, хламьем лежащий на даче. Он тормозил, но тянул стриминг.

Дебютировал Саша, он славно двигался и шутил, с ним попросили приват, почти все мужики, ему кинули норм денег. Света сидела в соседней комнате за ноутбуком Мелузины и коммуницировала за Сашу на английском. Новичков специально выдвигают в топ, прошипела правая передняя змея Мелузины. Саша поделился, что всё было отл. Но дома выпил полбутылки водки, из которой бабка делала компресс, и заснул.

Соня дебютировала гораздо хуже. Света попросила ее надеть парик Мелузины. Она двигалась как пластиковая, не разговаривала, отвечала несмешно и неласково. Сняла па-

рик, а лифчик снять отказывалась. Зрители писали: сними, подумаешь, какие-то прыщи, а не сиськи, нечего прятать. Модераторы сайта тоже начали писать. Света испугалась, что они догадались, что Соня и Мелузина в одном парике – разные существа. Но оказалось, они ругались на Сонину резкость. Света смягчала ее ответы на английском. Соня заработала три рубля, и никто не позвал в приват. Она расплакалась, сказала, что больше не станет этим заниматься. Света утешала ее и говорила: ок-ок. Соня пришла домой и легла. Мать позвала мыть посуду. Соня лежала. Мать попинала ее коленями или назвала ленивой жопой. Соня пошла на кухню. Через два дня она написала Свете, что снова придет заниматься теорией.

Света долго не могла приступить к съемкам кино. Настя говорила, что самый их первый фильм должен быть именно с ней и с Ромой. На него у нее право первого кино, так и объясняла она. Но Настя все время откладывала, сбивала четкое тетрадное Светино расписание. То уезжала с родителями к бабушке, то у нее переносилось занятие французским, то случились месячные. Настя долго и внимательно готовилась к своему первому разу. Планировала его. Читала материалы про физический и эмоциональный аспекты. Настраивалась эмоционально. Она была не то, что все остальные – с полусемьями, измученные, незнающие. Читала и все эти паблики про бережность к себе, про эмоциональную основу секса, про взаимоуважение, про взаимосогласие, про то, что надо

говорить друг с другом. Она и решила пообщаться с Ромой до.

Теперь находилось то, что их объединяло. Настя подошла к Роме прямо во дворе школы. План был вызвать его на разговор, начать с легкого приятельского общения, добавить чуть флирта, потом обсудить детали их будущего секса. Неделю Настя тренировалась по инструкции разговаривать с незнакомыми людьми, улыбаясь. В магазинах, в транспорте, в поликлинике. Ей изумлялись. В их загазованном городе так было не принято. Настю мало интересовала их реакция, она практиковала подход. Она выбрала наряд, в котором хотела заговорить с Ромой. Не слишком торжественное, не совсем повседневное, не откровенное, не странное, но с запоминающейся деталью. Ей при дорогих джинсах и свободном жакете служила брошь футуристических плавных линий. Настя определила и место, где ей ощущалось комфортно, для такой важной встречи – скамейка внутри сквера за школой, под широким дубом. Старшеклассники там курили, а Настя, когда курящих не было, читала соцсети.

Рома не узнал Настю, потому что решил не замечать кого-либо из их дела, да и вообще просто не отличал ее от других людей. Настя начала говорить про то, какая классная у него винтажная рубашка. Рома втянул дымный яд. Рубашка принадлежала его бате еще в девяностых и драла глаза своей частой клеткой. Никогда бы ее не надел, но она хорошо сохранилась и нравилась Вере. Они позже должны были

пересечься. Вера умная, он думал, как сделать так, чтобы она не прочла у него на лбу про его занятия. Рома наконец узнал Настю, сжал свое красивое лицо, потушил сигарету и молча ушел. Настя решила, что это он боится подвести себя и ее из-за их общего незаконного дела.

Пока Настя пыталась начать отношения с Ромой и подготовиться к своему первому кино, Света по ночам, когда и мама, и Артем спали, изучала в ютубе, как снимать кино и как монтировать в бесплатной программе. Рома и Алиса спрашивали, когда уже начнутся работа и деньги. Света решила не дожидаться Настю. И сняла кино с Алисой и Ромой. Это оказалось сложно. Но Света понимала, что это логично. Алиса и Рома повели себя профессионально. Пришли, поговорили. Набросали словами план движений. Рома принес презервативы. Алиса и Рома шли друг другу по строеванию тел. А Света ходила вокруг них с камерой. Ставила камеру на штатив Настиных родителей. Меняла ракурс. Алиса и Рома терпеливо останавливались, ждали. Свету удивило, насколько это механический, совершенно не волнующий никак ее физиологию процесс. Света даже залезла на стремянку. Алиса спросила Свету, собралась ли та в Канны или обои переклеивать. Они посмеялись. Все они знали про Каннский фестиваль во Франции.

Света подумала, сказала, что хочет снять еще один фильм, проще. Попили чай на кухне Настиных родителей. Потратили пакетики с эрл-греем и сушки-челночок Настиных ро-

дителей. Света просто поставила камеру на штатив. Ушла в соседнюю комнату почитать учебник. Когда два кино были сняты, Света начала готовить их до готовности. Она боялась монтировать ролик на своем домашнем компьютере. Приходила в коммунальную комнату Мелузины и монтировала на ее компьютере. Через четыре дня после дебютных съемок Света зааплодировала два ролика – художественный и простой. Еще через три часа за первый упало десять евро, за второй – недельный оклад Светиной мамы.

Настя начала скандал для Светы прямо в школе. Из-за того, что ее не дождалась. Света чуть ее успокоила и назначила встречу у «Пятерочки». Свете домой надо было купить риса и лука. Настя показала Свете весь ассортимент манипуляций и шантажа. Разговаривала она не своим, пищащим голосом. Света подумала, что так, наверное, себя ведет каждый единственный ребенок из полной и сытой семьи. Но вспомнила про Ромин культ у Насти. Вот эту громоздкую любовь, которая выпирает из человека и отнимает у него ум. Света сделала себе пометку, если она дальше как-то продвинется по времени, не связываться с фанатичками и фанатиками. Она аккуратно резанула, что это вот бизнес и там нужно работать четко по плану, чтобы получить скорее деньги, которые очень нужны Роме и всем остальным. Настя услышала про Рому и успокоилась. Света подумала, что сможет стать отличницей по манипуляциям.

Мелузина получилась звездой вебкама. Ей даже не нужно

было выделять ничего сексообразного, хотя она принесла игрушки. Люди просто хотели увидеть, как у нее всё устроено и как она взаимодействует с миром. Задавали вопросы вроде того, снимает ли она корону на ночь, и как она пользуется туалетом, и все ли змеи испражняются отдельно или она за всех них. Скрытую анатомию Мелузину тоже просили показать. Когда Света спрашивала ее после сеанса, как она, та говорила, что без проблем, потому что в цирке было хуже. Особенно в XVII веке. В первый же день у Мелузины случилось приватов больше, чем у Саши. Разумеется, восемьдесят процентов ее зрителей были иностранцы. Мелузина и тут считалась редкостью, а за пределами России таких вообще не видали. Потом у нее даже появились постоянные клиенты, один из них – студент-антрополог из Америки, он изучал славянских магических существ и просто много задавал Мелузине вопросов про ее жизнь, а она отвечала на толстом английском с примесью французских слов. Остальные просили ее проводить сексуальные манипуляции со своим телом, но почти ничего из этого не оказывалось таким, чего Мелузина не делала в обычной жизни в целях гигиены или удовольствия. Свете больше всего нравились мелузинские дни, потому что ту вообще не надо было модерировать. Света делала уроки или чаще всего уходила к брату во время мелузинских сеансов. Та вообще могла обойтись без Светы и не платить ей. Света даже сказала ей об этом. Мелузина неопределенно качнула короной.

Один раз ее змеи – передняя слева и хвостовая – подрались из-за некоторых действий, которые Мелузина выполняла первый раз в жизни. Хвостовая – побольше, принялась заглывать и глотать другую. Мелузина не понимала, как их успокоить. Информация из ее мозга не поступала вниз. Мелузина застыла на месте, как заколдованная. Света сидела у брата, включила трансляцию на айфоне для проверки и побежала в дом Настиных родителей.

Там она сразу вырубил трансляцию и стукнула хвостовую змею по голове шваброй. Передняя правая змея выбросилась на Свету. Та, уклоняясь, повалилась на пол, и Мелузина очнулась от стука падающего тела. За последние десять минут трансляции с дракой на счет упал пятидневный мелузинский гонорар. Это было так логично. Света ненавидела взрослых.

Мелузина два дня лежала и неделю еще хромала с перебинтованной ногой, а хвостовая змея часто засыпала из-за сотрясения мозга. Мелузина привязывала хвост к спине. Света просила прощения долго, Мелузина отвечала, что так хвосту и надо. Когда на третий день после драки она вернулась с больничного, ей пришлось показывать своим постоянным приватным клиентам свои израненную ногу и вялый хвост. Мелузина призналась Свете, что не любит взрослых людей тоже.

Когда начались деньги, Саша купил себе нарядов. Бабушке говорил, что договаривается и берет дополнительные сме-

ны упаковщиком. Каждую свою трансляцию он превращал в спектакль: в боди, платье, костюме орка, военной форме. На аккаунт, зарегистрированный на фейковый мелузинский паспорт человека, дети заказали игрушек. Саша тоже выбрал на свою долю. Его популярность через одну неделю перестала расти, упала, потом скромно выровнялась. Появились свои постоянные клиенты. В основном взрослые мужчины. Переписку за Сашу с иностранцами сначала вела Света. Но Саша запросил звук и разболтался на очень неправильном наглом английском.

У Сони дело вдруг пошло совсем хорошо. Она вернулась обратно в трансляцию с новыми глазами. В джинсах, свитшоте. В простом белье. Света разглядела эти глаза даже через свой смартфон в соседней комнате. Она не смотрела обычно трансляции полным взглядом, а посматривала краем, следила за чатом, писала переводы реплик. Своих сотрудников за работой она как бы видела с верхней перспективы: вот прямоугольник комнаты, вот цветущий хлопковыми розами прямоугольник кровати, вот прямоугольный ДСП-стол с отсветом ноутбука, вот рыжеватая макушка Сашаши, перекладины его плеч с каскадами блесков. Вот его руки выполняют некий танец с его же телом на фоне бежевого блина ковра.

В Соне Света пыталась понять ее глаза. Глаза сорванной резьбы. Света винила себя за это, но одновременно понимала, что срыв произошел из-за многолетней подготовки Со-

ниными родителями. Между трансляциями глаза почти возвращались в норму. Света старалась говорить с Соней, но та улыбалась, что всё хорошо. Дома Соня раньше огрызалась на грубость родственников, но чаще всего от их насилия плакала или отчаянно молчала. Теперь она молчала торжественно, не плакала никогда и делала всё, что нужно было в квартире и школе. Родителям это не нравилось, мать так и спрашивала: что ты придумала? Думаешь, скоро вырастешь, на свободу пойдешь? Да кому ты там будешь нужна? В вебкаме Соня вела себя как хотела. Саша считал себя артхаусом вебкама, но на самом деле Света знала, что артхаус вебкама – это Соня. Она никогда не пользовалась игрушками, могла не раздеваться всю трансляцию или, наоборот, раздеться сразу и просидеть на стуле все четыре часа с раскрытыми ногами, могла просто долго пересказывать сюжет любимого сериала или расплакаться и получить множество успокаивающих реплик. Соня посылала всех, кто грубил ей. Но модераторы теперь этому не возмущались, не штрафовали. Она вела себя так, как хотела. У нее было трое постоянных клиентов, все русскоязычные, притом те, кого, как Света понимала, в мире взрослых было принято называть молодыми. Света считала, что они хотели эту вот Сонину непредсказуемость. Однажды Соня пришла раньше, еще шел Сашин сеанс. Она прямо вошла к Саше в кадр. Аудитория очень высоко это оценила. Света снимала потом их тоже парой в своем статичном кино. За эти ролики платили нормально.

На первую съемку с Ромой Настя принесла сценарий. Света прочла его. Роман прочел его. Прочел так, как обычно глядел на текст в учебнике, который необходимо знать наизусть. В сценарии было много романтики. Слов. Прикосновений. Поцелуев. Рома сказал, что это всё как-то странно, не по-рабочему. Света отвела его в другую комнату, объяснила, что для их общего дела он должен повторить указанные в сценарии действия. Света включила камеру и ушла. Настя раздевалась медленно, поглядывая на Рому. Тот скинул одежду и ждал Настю, но не смотрел особо. Настя боялась посмотреть на низ своего кумира. Рома подошел, сказал слова по сценарию, поцеловал по сценарию, провел по своду груди языком по сценарию, сделал еще ряд движений, но у Насти не получалось. Света приоткрыла дверь и, не заходя, спросила, в чем дело. Настя попросила выключить камеру и потребовала полноценную репетицию не под запись и чтобы Света ушла из ее, Настиного дома на полтора часа. Света нажала кнопку «Стоп» и убежала к брату.

Без камеры что-то получилось, и Рома, поглядывая на сценарий, прилепленный к пояснице кровати, сделал всё, как было написано. Он понял, что Настя никогда ничего подобного не делала, ему это не понравилось очень, но он решил быть профессиональным. Он предложил сняться потом, но Насте захотелось записаться сейчас, чтобы не выделяться ничем среди остальных, кто делал это для денег. На сценарий ей теперь было плевать. Света думала, что после логич-

ным будет увидеть на лице Насти удар счастья. Но ничего на лице той не обнаружилось. Выходя из комнаты, из своего дома, Настя несла лицо манекена, не улыбающегося, никакого, безликого вовсе.

Рома обычный, убежал помогать отцу перегонять старую машину. Рома ненавидел автомобили.

Света пересмотрела их фильм на перемотке. В нем не обнаружилось ничего страшного, необычного, неправильного, кроме того, что там не было жизни. Света загрузила ролик на сайт. За него заплатили пять долларов. Света соврала Роме и Насте про большую сумму и заплатила им из своих. Настя сказала, что больше не будет сниматься, но будет брать свою долю за тайну и помещение.

Бизнес Светы двигался. Им в среднем везло. Сайты оказались не мошенниками и исправно платили. Все дети выглядели вполне как взрослые, и модераторы не подозревали их в юности, а если и понимали, то молчали. Иногда тощую Соню спрашивали, в каком она классе, она говорила, что в пятом, и вслух считала, сколько раз она осталась на второй год.

Родители Насти только один раз почти застали их дело. Мелузина услышала, как открывают калитку. Саша и Соня были заняты приватом, Света модерировала. Мелузина прискакала, зашипела и замахала передними змеями. Света поняла. Отрубилась связь. Сказала слово «родители». Саша и Соня оделись, заправили кровать, сели за стол, повернули к себе комп и открыли сайт для изучения английско-

го языка. Мелузина вскрыла два мандарина и распылила их по комнате, чтобы заглушить запах секса. Положила их перед учениками на стол и закатилась под кровать. Взрослые люди не любили магических. Света встала перед ними и произнесла с середины фразу про презент континиус. В комнату заглянул Настин папа, он был один. Спросил, чего они днем задернули занавески, и включил им свет. Папа нашел на цокольном этаже строительные инструменты и уехал. Родители разрешили Насте помочь Свете заработать и преподавать в их пустующем доме, который находился неподалеку от ее дома, где всё время находился ее больной брат. Им нравилось, что Настя делает это не из-за выгоды, а из благотворительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.